

ЛОЛА
Мажнун

БОМЖ С ОБЛОЖКИ FORBES

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

пасная находка

18+

Лола Магнум

Бомж с обложки FORBES.

Опасная находка

<https://litres.ru/74056281>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Полины есть всё для счастья: пёс Бакс (трёхлапый, но с характером), крохотная квартирка (диван занимает 90% площади) и круглосуточная работа в ноутбуке (чтобы прокормить это счастье). Мужчины в её жизни отсутствуют как класс.

У него — дорогие трусы, куча врагов и полная потеря памяти. Их свело пасмурное утро и кусты.

Когда во время утренней прогулки Бакс находит в кустах мужика в одних трусах, Полина поступает единственно возможным образом: забирает находку домой. Ну логично же?

Казалось бы, что может пойти не так? Абсолютно всё.

Полина не планировала становиться спасателем для двухметрового «бомжа» с ароматом помойки. Бомж не планировал просыпаться в чужой квартире без памяти и с раной в боку.

Но судьба любит чёрный юмор.

Теперь им предстоит выжить: ей — в собственной квартире, оккупированной опасным незнакомцем, ему — не убить эту

настырную девчонку с вечно голодной собакой. А когда вернётся память... начнётся самое интересное.

Содержание

ПРОЛОГ	7
ДОСЬЕ НА ГЕРОЕВ	14
ДМИТРИЙ ВОЛКОВ — «Волк»	14
ПОЛИНА СИНИЦЫНА — «Синица»	17
Глава 1	21
Глава 2	26
Глава 3	32
Глава 4	39
Глава 5	47
Глава 6	53
Глава 7	60
Глава 8	67
Глава 9	74
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Лола Магнум

Бомж с обложки FORBES.

Опасная находка

Аннотация:

У Полины есть всё для счастья: пёс Бакс (трёхлапый, но с характером), крохотная квартирка (диван занимает 90% площади) и круглосуточная работа в ноутбуке (чтобы прокормить это счастье). Мужчины в её жизни отсутствуют как класс.

У него — дорогие трусы, куча врагов и полная потеря памяти. Их свело пасмурное утро и кусты.

Когда во время утренней прогулки Бакс находит в кустах мужика в одних трусах, Полина поступает единственно возможным образом: забирает находку домой. Ну логично же? Казалось бы, что может пойти не так? Абсолютно всё.

Полина не планировала становиться спасателем для двухметрового «бомжа» с ароматом помойки. Бомж не планировал просыпаться в чужой квартире без памяти и с раной в боку.

Но судьба любит чёрный юмор.

Теперь им предстоит выжить: ей — в собственной квартире, оккупированной опасным незнакомцем, ему — не убить

эту настырную девчонку с вечно голодной собакой. А когда
вернётся память... начнётся самое интересное.

ПРОЛОГ

Сознание возвращалось ударами — в такт прыгающей на ухабах машине. Голова раскалывалась, во рту был привкус крови и пыли.

Я не сразу понял, где нахожусь. Темнота. Гул мотора. Запах солянки, гнилой капусты и собственного пота. Руки затекли и были стянуты за спиной пластиковой стяжкой так сильно, что пальцы онемели.

Грузовик. Фургон.

Моргнул, пытаюсь сфокусировать зрение. Сквозь щели в бортах пробивался тусклый свет — не солнечный, а желтоватый, электрический и урывками, штрихами. Ночь.

Сколько?

Я попытался вспомнить. Вот я выхожу из офиса. Вот подъезжает черный микроавтобус. Удар по голове сзади. Всё. Как я так просохатил момент? Ничего же не предвещало, везде и всё было ровно. Или нет?

Я пытался вспомнить, были ли хоть какие-то предпосылки, и по всему выходило, что не было. Тогда, может, перепутали меня с кем-то? Хорошо бы, иначе...

Я усмехнулся, до этого «иначе» ещё дожить надо. Ну, суки!

Я пошевелился и боль прострелила меня до мозгов, я аж зажмурился, и тоже лучше бы этого не делал, потому что да-

же такое действие вызвало у меня приступ тошноты. Замерев, я успокоился, пришёл в себя и осторожно открыл глаза.

Пошевелил мышцами — почти не чувствую, но это ерунда — это мы уже проходили и не один раз.

Я закрыл глаза и заставил мозг работать.

Первое — оценка ущерба. Шея цела? Осторожно повёл головой влево-вправо. Больно, но позвонки не хрустят. Хорошо. Руки? Пальцы не чувствую, но это от стяжек. Плечи? Кажется, просто вывернуты. Ноги? Вроде целы, но затекли так, будто вместо крови в них цемент закачали.

Второе — дыхание. Я сделал медленный, максимально глубокий вдох. Рёбра отозвались стрельбой, но лёгкие наполнились. Воздух есть. Значит, с внутренними пока порядок.

Третье — пульс. Я прижался затылком к полу и попытался нащупать пульс шеей о грязный металл. Без рук сложно, но при некоторой сноровке можно. Стучит. Тахикардия, но в пределах нормы для человека, которого недавно, судя по всему, добросовестно месили ногами. Как минимум.

Четвёртое — ирония. Без неё никак. И вот с ней единственной пока полный комплект. Я мысленно усмехнулся: Волков, ты красавчик. Связан, избит, валяешься в чужом дерьме, а проводишь самоосмотр по инструкции. Орден дадут? Посмертно?

Пятое — попытка разогнать кровь. Я напряг мышцы пресса, насколько позволяло связанное положение. Задержал на-

пряжение на пять секунд. Расслабил. Повторил для ног. Для ягодиц. Для спины. Тело отзывалось скрипом ржавого механизма, но постепенно начинало слушаться.

Самое сложное — пальцы. Я сжимал и разжимал кулаки за спиной, чувствуя, как иголки покалывания пробиваются сквозь онемение. Процесс пошёл.

Так, боец. Ты живой. Ты в игре. Теперь думай, как вылезать из этого дерьма.

Я открыл глаза и снова посмотрел в щель борта. Ночь. Дорога. Лес по обоим сторонам от дороги.

Это куда же вы меня так далеко увезли, суки?

И главное — кто? Кому я перешёл дорогу так сильно, что решили не просто убрать, а сначала вывезти за город и там уже... что? Допросить? Закопать? Показательно казнить на камеру?

Ладно. Время покажет. Если успею.

Я продолжил дышать и понемногу напрягать мышцы. Если грузовик остановится — у меня будет секунда. Одна единственная секунда, чтобы стать не просто куском мяса, а бойцом.

Сколько времени прошло? Час? Десять часов? Судя по тому, как ныло все тело и как сильно я хочу пить — везли долго.

Я стиснул зубы, заставляя своё тело слушаться. Выходил хреново, мышцы слишком затекли и одеревенели. Значит я точно часов десять был без сознания и связан.

Подполз к краю борта, опёрся о него спиной, подполз повыше и повернулся. Приподнялся, сколько мог и, напрягая шею, толкнул брезент головой.

Холодный ночной воздух ударил в лицо.

За бортом мелькала пустая трасса. Ни фонарей, ни машин. Только серый асфальт, черный лес и звезды. Где, черт возьми, я?

Ой, а мутит-то как...

Машина шла ровно, всё больше набирая скорость. Я снова сполз на задницу и осмотрелся. Гвоздь. Торчит из какой-то доски. Я подполз и упал на него спиной, постепенно пристроив на него связанные руки.

Дурацкая затея, перерезать пластиковую стяжку гвоздём. Это как сродни мальчишеской фантазии подорвать танк из рогатки.

Кожа содралась, кровь сочилась, но пластик не поддавался.

И тут грузовик сбросил скорость.

Мотор заурчал тише. Фургон качнуло на повороте. В щели брезента блеснули огни — редкие, тусклые, но это были огни жилья.

Город. Поселок. Шанс.

Грузовик почти остановился. Сквозь шум двигателя я услышал ритмичный сигнал светофора — пи-ип, пи-ип, пи-ип, пи-ип...

Это был мой единственный шанс.

Я подполз к самому краю, уперся связанными руками в пол, потом упёрся ногами, поднял свой зад на борт, оттолкнулся ногами, наклонил спину назад и, как куль с дерьмом, вывалился из грузовика наружу.

Удар о землю выбил остатки воздуха из моих лёгких. Тело прокатилось по гравию, обдирая кожу. Где-то совсем рядом взревел мотор — грузовик рванул с места, даже не заметив потери.

Сознание снова поплыло, но адреналин погнал кровь быстрее. Я заставил себя ползти, откатываясь от дороги в жидкие придорожные кусты.

И в этот момент что-то острое и холодное полоснуло меня по правому боку.

Я дёрнулся и зашипел сквозь зубы. Рубашка мгновенно намокла. Под рукой в траве валялась бутылка — разбитое горлышко, торчащее из земли как наточенный нож.

— Черт... — выдохнул я.

Кровь текла по ребрам, смешиваясь с потом и дорожной грязью. Но боль отрезвила. Она всегда отрезвляет, родная.

Я сел, привалившись спиной к кусту, и, сжимая окровавленными пальцами осколок стекла, принялся пилить пластик на запястьях. Раз, другой, третий. Пальцы скользили, стекло резало ладони до кости, но я не останавливался.

Пальцы заживут, а вот кисти отвалятся — их не нарастишь.

Хрясь.

Руки освободились.

Несколько секунд я просто сидел, растирая затекшие запястья и пытаюсь отдышаться. Потом, держась за бок, чтобы остановить кровь ладонью, поднялся на ноги.

Голова кружилась. Перед глазами плыло.

Мутит-то как...

Вышел из кустов и огляделся. Дорога уходила в никуда. С одной стороны — темнота, поля, лес. С другой — редкие огни.

Поселок. Окраина города.

Пальцы, изрезанные стеклом, оставляли кровавые следы на рубашке. Бок горел огнем. Но надо было идти. Надо было найти телефон, аптечку, укрытие. Людей.

Пошатываясь, побрел на свет.

Первое, что я увидел, свернув в узкий переулок между частными домами, — тусклый фонарь, лавочку и группу парней.

Трое. Молодые, спортивные. В руках у одного пиво, у второго сигарета. Они не шли, а стояли, перегородив дорогу, и лениво цедили что-то, глядя на приближающуюся фигуру. Меня то есть.

Я остановился. Сжал кулаки, чувствуя, как кровь капает с пальцев на асфальт.

Гопники. Окраина. Темнота.

— О, пацаны, смотрите, Дракула выполз, — хмыкнул один.

— Бомж? — лениво спросил второй.

— Нет, — третий прищурился, разглядывая дорогой покрой моих испачканных брюк и разодранной рубашки. — Не бомж... — его глаза хищно сверкнули, когда он увидел котлы на моём запястье.

Даже не думай, полудурок, я тебе за них яйца с гландами местами поменяю.

Я стоял напротив них, покачиваясь. Силы были на исходе. А в глазах у троицы загорелся нездоровый интерес. Не к драке даже. К деньгам. К часам на моей руке, которые чудом уцелели. К слабости.

Такие любят слабых. Они за счёт них самоутверждаются в своих глазах и лазах таких же ублюдков.

Воздух между нами загустел и, казалось, загудел напряжением.

— Мужик, ты че тут шастаешь? — первый сделал шаг вперед. — Телку ищешь? Или что ищешь?

Я молчал, пытаюсь просчитать хоть какой-то шанс. Трое. Он едва стоит. Руки в кровь. Бок...

Но отступать было некуда. Не так уж я и слаб.

Я принял стойку, и тут меня вывернуло наизнанку. С громким стоном я упал на колени — из меня извергалась Ниагара...

Не успех я сделать вдох, как в голове взорвалась сверхновая и наступила темнота...

ДОСЬЕ НА ГЕРОЕВ

ДМИТРИЙ ВОЛКОВ — «Волк»

Возраст: 35 лет.

Рост: 192 см.

Статус: пока неясен. С виду бомж, но некоторые мелочи говорят об обратном. Правда, пока не ясно — что такое обратно от бомжа.

Внешность:

Высокий, широкоплечий, с рельефом мышц, который не спрятать даже под самым дорогим пиджаком. Тёмные, почти чёрные волосы всегда уложены в стильную стрижку (ну, *обычно* уложены). Густая, аккуратно подстриженная щетина, которая делает его похожим на голливудского героя боевиков в завязке. Глаза серо-стальные, с хищным прищуром. Взгляд такой, что хочется немедленно признаться во всех грехах, даже если ты просто переходишь дорогу.

Истинное лицо: побитое.

Обычное состояние: Нам пока неизвестно.

Текущее состояние: Стойкий аромат помойки, пота и отчаяния. Вместо уверенного взгляда — мутное, едва фокусирующееся зрение человека, которого только что вытрях-

нули из грузовика, как старую мебель. На лице — живого места нет, скула распухла, губа разбита, щетина теперь не стильная, а зэковская. И довершает образ тот факт, что он... ничего не помнит. Ну, почти ничего. Помнит, что он *крутой*. Помнит, что он *опасный*. Помнит, что его *надо бояться*. А реальность говорит: ты лежишь в кустах, в одних трусах (Armani, между прочим, но кто об этом знает?), и какая-то мелкая пигалица с собакой пытается понять, вызывать ли полицию или сразу крематорий.

Волков, который просто уверен в том, что может решать вопросы одним взглядом, сейчас не может решить даже вопрос собственного существования. Он пытается рычать на Полину, но из-за сломанных рёбер это больше похоже на жалобный хрип. Он пытается встать в угрожающую позу, но ноги не держат, и он просто оседает на её чистый пол, пачкая всё кровью. Он — хищник, которого нашли в кустах. И спасла его... маленькая желтенькая птичка.

Характер: да кто ж его знает-то?...

Особые приметы:

Шрам на левом боку (память о чём-то).

Татуировка на предплечье (эмблема спецназа, а вот это уже интересно).

Пальцы в порезах — напоминание о том, как он героически резал верёвку стеклом.

Умение моментально оценивать угрозу. Даже с отшибленной памятью и температурой под сорок он первым делом

сканирует комнату на предмет оружия и путей отступления. Полину это одновременно бесит и... ну, ладно, пока просто бесит.

Кредо:

«Я Волков. Я выживу. Даже если сейчас меня выносит вперёд ногами какая-то девица весом с мой ботинок».

ПОЛИНА СЕНИЦЫНА — «Сеница»

Возраст: 26 лет.

Рост: 170 см.

**Статус: Бухгалтер в местном
ЖКХ (или удаленный помощник,
или продавец в цветочном —
что-то тихое и незаметное).**

Владелица собаки Бакса.

Внешность:

С виду — само очарование. Светлые, пепельные волосы, собранные в небрежный хвост или рассыпанные по плечам. Большие голубые глаза, пушистые ресницы, пухлые губки бантиком. Фигурка — хрупкая, почти кукольная. Обычно одета в скромные джинсики, свитерок (возможно, с оленями), и смешные носочки с зайчиками дома. Улыбается застенчиво, краснеет легко, голос тихий, как у воробушка. Соседи называют её «наша Полиночка» и считают, что она и мухи не обидит.

Истинное лицо:

А теперь смотрите внимательно. Видите эту собаку? Этого дурного, лохматого, радостного монстра по имени Бакс, который носится по двору как ураган, пугая бабушек и роняя велосипеды? Того самого, на которого все показывают пальцем и говорят: «Ой, какая страшная псина!»?

Так вот, Бакс ходит по струнке. Не всегда, но умеет, под настроение.

Когда Полина говорит «сидеть» — он садится. Когда говорит «нельзя» — он замирает с поднятой лапой. Когда говорит «ко мне» — он летит пулей, забывая обо всём на свете.

И дело не в том, что Бакс такой воспитанный. Дело в том, что он знает, что эта пигалица способна завалить его прямо на дороге мордой в землю, а он... А он мог бы её порвать. Как Тузик грелку, но... позволяет. Потому что любит.

Полина Синицына — тихая заводь. А в тихом омуте, как известно, черти водятся. Просто они очень хорошо маскируются.

Характер:

Внешне мягкая, покладистая, даже жертвенная. Она всегда уступит место в автобусе, поможет бабушке донести сумки, покормит бездомных котят. Но внутри у неё — стальной стержень. Она выросла без отца, сама пробивала себе дорогу, сама ставила на ноги себя и свою дурную собаку, которую подобрала щенком на помойке.

Она привыкла решать проблемы тихо, но эффективно.

Если надо — может и по морде дать. Если надо — может и характер показать. Просто предпочитает не тратить энергию попусту. Но когда судьба подкидывает ей в кусты огромного, опасного, вонючего мужика... она не бежит в ужасе. Она закатывает рукава и берёт ситуацию под контроль. Потому что кто, если не она?

Отношения с мужчинами:

Никаких. Серьёзно. Потому что все мужики вокруг делятся на три категории:

Женатые алкаши с работы.

Маменькины сынки, которые боятся Бакса.

Неадекваты, которые думают, что раз она тихая, значит, можно пользоваться.

Поэтому Полина давно забила на личную жизнь и живёт в своём маленьком уютном мирке: книга, сериал, Бакс, чай с ромашкой. И тут в этот мирок вламывается Он. В крови, в грязи, без памяти, но с такими глазами... от которых у Полины внутри что-то ёкает. И ёкает не от страха. От страха она сначала тихо ойкнула, а потом...

Особые приметы:

Умеет делать шокирующе-спокойное лицо, когда внутри всё кипит.

Носит в сумочке перцовый баллончик (потому что дураков много, а Полина умная).

В совершенстве владеет взглядом «ты сейчас пожалеешь, что родился». Обычно этого достаточно.

Готовит отвратительно. Серьёзно, даже яичница у неё подгорает.

Разговаривает с Баксом как с человеком. И Бакс отвечает. Взглядом.

Кредо:

«Бог создал людей сильными и слабыми. Полковник Кольт создал револьвер, чтобы уравнивать шансы. А я просто умею ждать. И дожидаться. И дожимать».

Глава 1

Полина

Бакс ткнулся мокрым носом в ухо. Я замычала и натянула одеяло на голову.

Пёс вздохнул с таким трагизмом, будто его только что уволили с пожизненной кормёжки. Переступил лапами, клацнул когтями по линолеуму и с размаху положил тяжёлую голову на мою на подушку — аккуратно так, чтобы я гарантированно задохнулась.

— Бакс, — просипела я в одеяло, — ты знаешь, который час? Я спать легла в пять утра, сейчас шесть, ШЕСТЬ, Бакс! В пять, Бакс, я легла в пять, перед этим выведя тебя на попис! Это не час, это даже не утро, это безвременье! И я выводила тебя в туалет!

Бакс в ответ шумно выдохнул, пахнуло вчерашним кормом и утренней собачьей бодростью.

— Не дыши на меня, — я высунула нос, щурясь на серый свет за окном. — Там ещё темно. Спать давай.

Бакс деликатно, но настойчиво лизнул меня в щёку. Потом ещё раз. Потом взял в пасть край одеяла и потянул.

— Ты издеваешься? — рыкнула я и села, путаясь в волосах и пытаюсь одновременно удержать одеяло и не упасть с разложенного дивана, который занимал ровно девяносто процентов площади комнаты. Оставшиеся десять процентов

были заняты Баксом, тумбочкой, шкафом, письменным столом и вечным вопросом «как тут вообще кто-то живёт?»

Диван стоял впритык к стене, и когда я спала, Бакс имел обыкновение укладываться поперёк моих ног, делая мой побег в туалет ночью невозможным без применения спецсредств. Сейчас он стоял в проходе между диваном и шкафом, вилял хвостом и смотрел на меня с выражением лица «ну сколько можно, я терплю уже целую вечность».

— Ладно, — я обречённо свесила ноги, нащупывая тапки. — Ладно, чёрт с тобой. Но если я там рухну в обморок от недосыпа, будешь сам дотаскивать меня до дома.

Бакс радостно твякнул и чуть не снёс меня с ног, когда я, кряхтя, попыталась встать.

— Бакс! — зашипела, хватаясь за спинку дивана. — Место! Дай пройти!

Бакс послушно закрыл пасть. Челюсть клацнула, и он замер, глядя на меня с выражением глубочайшей обиды пополам с искренним недоумением.

Я застыла, ожидая, что сейчас он сделает шаг в сторону, освобождая проход. Бакс не сделал. Он просто сидел и смотрел, как на сумасшедшую: «Какое «место», хозяйка? Место — это где я сижу. Я сижу здесь. Значит, это и есть место. А другого места нет. Мы живём в коробке, ты забыла?»

— Ладно, — вздохнула я, перешагивая через него во второй раз за утро. — Просто посиди, ладно? Сама виновата. Завела собаку в клетке для хомяка. Молодец, Полина. Гени-

альное решение.

Пёс послушно остался сидеть, но ровно в том месте, куда мне надо было шагнуть. Я перешагнула через него, споткнулась о хвост, выругалась сквозь зубы и наконец добралась до кухни, они же прихожая, где на стуле висели мои джинсы и футболка.

Одеваться пришлось в том же режиме «шаг — пауза — перешагни через собаку». Бакс путался под ногами с упорством ишака, который наконец увидел оазис. Лёгкий джемперок нашёлся на вешалке, поводок — в зубах у Бакса, который уже принёс его и тряс, приглашая поиграть.

— Отдай, — выдернула поводок. — Им гуляют, а не грызут, ворчала я, надевая на него шлейку, — пошли, монстр.

На улице было серо, сыро и пахло утром, которое ещё не решило, быть ему добрым или хмурым. Я зевнула, поёжилась и поплелась за весело подпрыгивающим псыном в сторону поля — туда, где заканчивались заборы и начиналась свобода.

Посёлок городского типа, где я жила, был местом тихим, сонным и глубоко провинциальным. Дома частные, заборы разной степени кривизны, несколько пятиэтажек, мрачных, как моё настоящее, собаки лают, петухи орут, бабки на лавочках — полный набор. Это была его центральная, старая часть. А на окраинах было всё наоборот — там расцветали хоромы, особняки баронские замки...

А я снимала маленькую однушку в двухэтажном доме на

самой окраине. Дальше только поле, лес и, если верить навигатору, ничего интересного на сотню километров. Ну ладно, вру, в обе стороны от нашего посёлка были города. Один большой, миллионник, а второй небольшой — его спутник. А мы как-то посередине застряли. И между ними, и в развитии.

Бакс тянул меня вперёд, как бронепоезд, даром что трёхлапый, а я активно упиралась и телепалась на другом конце поводка, балансируя на ухабах, чтобы не упасть. И только десятиметровый поводок давал ему хоть какую-то иллюзию свободного передвижения.

Он радостно наматывал круги и периодически оборачивался, проверить, не отстала ли хозяйка. Хозяйка, то бишь я, как могла шевелила конечностями и хотела только одного — спать.

Я даже чуть не уснула на ходу, проклиная всё на свете и мечтая только об одном — вернуться в кровать и доспать хотя бы до обеда. А, ну покормить немного своего крокодила и доспать, сколько даст.

Когда мне надоело, что псына пытается вырвать мне руку, я осмотрелась. Никого. Ну правильно, выходные, шесть утра, нормальные-то люди спят.

В принципе, когда никого нет, я спускаю его побегать немного, что я и сделала, облегчённо выдохнув.

Бакс радостно поскакал по буеракам, активно обнюхивая кусты и кучки мусора, и кое где оставляя свои послания. Я

улыбнулась, глядя на любимую меховую задницу. Всё-таки хорошо, что он у меня есть. Хоть кто-то есть у меня, и хоть кто-то есть у него — моего любимого калеки.

Мы прошли ещё метров пятьдесят, свернули с дороги на тропинку, ведущую в лес, и тут Бакс, звонко лая своим трубным басом ринулся вперёд. У меня аж в ушах заложило — так громко и звонко в предрассветной тишине раздался его оглушительный лай.

Я распахнула глаза и натурально выматерилась. В мыслях и запикано, но тем не менее... Бакс резво скакал в сторону двух полицейских, которые копошились в кустах.

Глава 2

Они копошились в кустах, наклонялись, раздвигали ветки, и вид у них был не самый доброжелательный.

— Бакс, ко мне, — прокаркала я сиплым со сна голосом, интуитивно чувствуя, что лучше держаться подальше.

Бакс обернулся. Посмотрел на меня. Потом на кусты. Потом снова на меня.

В его собачьей голове явно происходил сложный мыслительный процесс, результатом которого стало решение: «Там интереснее».

И он рванул к кустам со скоростью реактивного снаряда.

— Бакс! — уже громче крикнула я, срываясь с места. — Бакс, стоять! Ко мне! Ты паразит! Убью! Кудабля!

Эта команда у нас, как последнее предупреждение, и пользуюсь я ей крайне редко, в самых критичных ситуациях, и моя псына вроде затормозила, но потом, весело мотнув своей чугунной башкой, резво рванула к кустам.

Мне пришлось резко сбросить остатки сна и побежать за ним, спотыкаясь о кочки. С ужасом я увидела, как пёс влетает прямо к полицейским, с ходу начинает прыгать вокруг чего-то, или кого-то, что лежало в кустах.

Так-то он у меня ласковый, как телёнок, но дурной на всю голову! И большой, поэтому страшный!

— Убери собаку! — рявкнул один из полицейских, высо-

кий и плотный, когда я подбежала, хватая ртом воздух. — А то пристрелю к чертям!

— Извините, извините, — затараторила я, хватая Бакса за шлейку и с трудом оттаскивая его в сторону. — Бакс, фу! Сидеть! Место! Простите, пожалуйста, он не кусается, он просто дурак...

Бакс уселся, но продолжал радостно махать хвостом, глядя на то, что привлекло его внимание.

Я перевела взгляд и замерла.

На земле, опираясь на одну руку, пытался подняться мужчина.

Точнее, то, что от него осталось.

Он абсолютно голый, если не считать трусов. Боксеров. Дорогих. Уж я-то в этом разбираюсь. Да чего там разбираться, любой мало-мальский разумный человек увидел бы заметную, с надписью, резинку боксеров. То, что там было написано, сразу выдавало безумно дорогую марку белья.

Лицо представляло собой сплошной синяк — скула распухла, губа разбита, под глазом наливалась чернота. Руки, которыми он опирался о землю, были в крови — свежей, сочащейся из порезов на ладонях. На запястьях — багрово-синие полосы, похожие на следы от веревок.

Но самое жуткое — бок. В чёрной, уже подсыхающей крови, которая запеклась от раны и стекала в резинку боксеров, и даже потёки на его мощном, накачанном бедре были заметны.

Мужчина застонал, сделал усилие и встал.

Я смотрела на него и не могла отвести взгляд.

Он был высокий. Очень. Даже сейчас, когда его качало, когда он дрожал от холода в нижнем белье, он казался огромным. Широкие плечи, разворот — чувствовалась мощь, которую не спрятать.

И взгляд.

Он поднял голову и посмотрел на полицейских.

Прямо. Спокойно. Без тени страха или растерянности. Взгляд человека, который привык оценивать ситуацию, а не бояться её. Цепкий, холодный, несмотря на боль и слабость.

На секунду показалось, что сейчас не они его, а он их... ну, не знаю, что сделает, но точно не растеряется.

— Ты кто такой? — грубо спросил второй полицейский, тот, что пониже, но с пузом. — Что здесь делаешь? Документы есть?

Мужчина молчал. Только сглотнул, и Полина увидела, как дернулся кадык.

— Я спрашиваю, — полицейский шагнул к нему, — кто такой? Почему в таком виде? Откуда кровь?

Мужчина открыл рот, но вместо слов выдохнул что-то невнятное и покачулся.

— Вызывай патруль, — бросил высокий напарнику. — Пусть забирают в участок, там разберёмся. Но он явно не местный.

— Скорую бы вызвать, — неуверенно предложил второй,

пониже, косясь на окровавленный бок мужика. — Глянь, как его пропороло. Может, «ножевой»?

— Да что этому кабану сделается, — отмахнулся первый, и сплюнул под ноги. — Видал таких. Живучие, как тараканы. Помрёт — так и нам легче. Меньше бумаг возиться.

У меня внутри всё похолодело.

Я стояла в пяти метрах, вцепившись в шлейку Бакса так, что пальцы занемели. Пёс продолжал рваться вперёд, скулил и повиливал хвостом, явно не понимая, почему его не знакомят с этим интересным дядей. А я смотрела на полицейских и не верила своим ушам.

Помрёт — легче?

Как так можно? Он же человек! Даже если бомж, даже если пьяный, даже если чёрт знает кто — он же живой! А тут кровь хлещет, бок разворочен, сам еле стоит, а они...

Я открыла рот, чтобы сказать хоть что-то, но голос предательски сел. В горле застрял ком, размером с кулак. Что я могла сделать? Два здоровых мужика в форме, а я — мелкая девчонка с дурной собакой. Кто меня слушать станет?

Мужчина тем временем покачнулся сильнее. Ноги у него подкосились, и он снова рухнул на колени, упёрся руками в землю. Голова свесилась, плечи ходили ходуном — то ли от холода, то ли от потери крови, то ли от того и другого сразу.

— О, смотри, — хмыкнул высокий, — спектакль бесплатный. «Умиравший лебедь» в зассанных трусах.

Второй нервно хохотнул, но как-то неуверенно.

Бакс дёрнулся из рук с такой силой, что я чуть не упала. Пришлось вцепиться в него мёртвой хваткой и зашипеть прямо в лохматое ухо:

— Сидеть, кому сказала! Сидеть, дурная башка!

Пёс нехотя замер, но продолжал буравить взглядом мужчину и тихонько повизгивать, будто хотел сказать: «Хозяйка, ну помощи же ему! Он же свой! Я чую!»

Тут Бакс был отчасти прав, в какой-то степени. Его я тоже подобрала в кустах, четырёхмесячного щенка, окровавленного, с оторванной лапой, а когда принесла в ветеринарку, Борисычу, выяснилось, что у него ещё и ошейник вросший в кожу был. Я тогда на дублёнку себе копила и вот она... Моя дублёнка сейчас сидит и рвётся изо всех сил вперёд. Признал соплеменника.

Но сейчас я на дублёнку не копила, да и соплеменник далеко не четырёхмесячный. Я такого не прокормлю, да и куда его?

Я стояла, держала Бакса и смотрела на этого человека. На то, как он уже снова стоит — прямо, гордо, даже сейчас. На его руки — порванные, но сжатые в кулаки. На его глаза, в которых не было мольбы.

И внутри что-то щёлкнуло.

Я не знала, кто он. Не знала, что здесь произошло. Но одно я знала точно: если его сейчас заберут в участок — в таком виде, без документов, без памяти, а он явно не в себе, — его просто закроют в камере, и он там умрёт от потери крови

или от побоев.

А может, он вообще не доживёт до утра.

Бакс заскулил, пытаясь вырваться к мужчине. Он явно чувствовал что-то, чего не чувствовала я.

— Так, женщина, — обернулся к ней полицейский с пущенным, — вы кто вообще? Живёте здесь? Знаете этого?

— Нет, я... — начала я и осеклась.

Мужчина перевёл на меня взгляд. Серый, стальной, с искрой чего-то... благодарности? Надежды? Или просто любопытства?

Я глубоко вдохнула.

И выпалила:

— Подождите! Я знаю, кто это!

Глава 3

Я даже зажмурилась от собственной глупости!

Когда я успела заболеть слабоумием???

Но Полину, то есть меня, было уже не остановить:

— Это брат, З... Зойкин! — брякнув это я сильно-сильно помолилась, чтобы сама Зоя об это не узнала.

Оба полицейских повернулись ко мне, с подозрением на меня глядя.

— У Зойки нет брата, что ты мелешь? — процедил толстый, делая шаг ко мне.

— Я тоже так думала, — соврала я, не моргнув глазом... Или моргнула? Да, определённо, я моргала, как вентилятор. Эх, не умею я врать...

Полицейские переглянулись, и снова уставились на меня, явно ожидая подробностей.

— Я вчера к ней забежала, она попросила пуговицы на халате перешить, а там он... Вот этот...

— Зойка? Халат? Пуговицы? — переспросил высокий.

Ну да, я его понимаю. Зойка — это наша местная звезда. Зоя и халат совместимы примерно так же, как Валуев и балет.

Хабалистая бабёнка неопределённого возраста. Сама она утверждает, что ей тридцать пять, но так по лицу и не поймёшь, дам и все пятьдесят пять могу быть.

Живёт на широкую ногу, по нашим меркам, с размахом пьёт, ярко красится, вызывающе одевается, не боится ни чёрта ни ладана. Её один раз загребли в участок, так потом всё отделение месяц икало.

Взять с неё нечего — имеет единственное жильё — комнату на девять квадратов в бараке, не работает, так что творит, что хочет. Раза три отсидела по пятнадцать суток, так потом все окна в отделении камнями расколотила. Суд присудил возместить материальный ущерб, вот уже лет пять, как возмещает...

А ещё, ходили слухи, что она является любимой женщиной какого-то криминального авторитета, который то ли вышел, то ли выйти никак на свободу не может. То ли Сивый, то ли Косой, то ли Мокрый...

Правда слухи эти она сама усиленно распускает, но никак не проверить же. А связываться с криминальными авторитетами вот конкретно наша, местная полиция, не хочет. Так что на всякий случай её без особой необходимости не трогают — связываться, — себе дороже.

Поэтому, Зинаида прости, но у тебя появился брат.

— И? — продолжился мой вопрос.

— Ну я перешла пуговицы прям там, у неё. А этот — я кивнула в сторону мужчины, который уже едва стоял на ногах, но упорно держался, — там сидел. Борщ кушал.

— Борщ?! — брови обоих блюстителей закона синхронно взметнулись вверх.

Да, это я, конечно, переборщила, с борщом-то. Зоя и борщ — это ещё хуже, чем Валуев и балет.

— Борщ, — подтвердила, — там коробки какие-то стояли, ну, знаете, как доставка.

— Доставка? — «да что вы пристали», — чуть не взвыла я! Ну не умею я врать!

— Ну да, сама-то Зоя навряд ли знает, с какой стороны к кастрюле подойти, а этот, брат её, — снова кивок в сторону голмского бедолаги, — наверное и заказал, и оплатил.

— Хм, — почесал затылок, сдвинул фуражку на лоб, старший из них. — Ну ладно, проверим. А сама Зойка где?

— Так я не знаю, — а вот тут уже вполне искренне развела я руками, — ну, вы же знаете Зою, ей что брат, что сват... Если ей куда надо — так она и на мать родную не посмотрит — уйдёт.

— Это точно.

Он осмотрел качающегося мужчину и брезгливо поморщился. Ну да, фонило от него знатно, и совсем на дорогим парфюмом.

— Сама доведёшь?

— Куда? — моргнула я.

— До Зойки. Или... — он сощурился.

— Ай, это! Да конечно, дверь же у неё не запирается, сами же знаете, — затараторила я, одной рукой держа рвущегося куда-то Бакса, а второй хватая под локоть свою находку, — доведу и заведу, не беспокойтесь.

Я пыталась сдвинуть с места мужчину, который явно уже не понимал, что происходит.

— И скорую вызову, обязательно, — тормошила я его но так, чтобы он тут не упал, а то плакали мои благие намерения медным тазом... Или как там правильно — я от страха все слова позабывала. — Пошли, пошли же, ну, — шипела я, мечтая убраться отсюда поскорее.

Он обвёл меня мутным взглядом и сделал шаг.

— Вот так, молодец, давай, — подбадривала я его, — тут близко совсем, пошли, — мы, наконец, сдвинулись с места.

Я вам скажу, что держать одной рукой моего, хоть и трёхлапного балбеса, напоминающего сейчас танцующего носорога в период гона, и держать этого медведя-гризли — задача не из лёгких. Но, как говорила моя мама: «Если Полина что-то хочет... Или уйдите с дороги, или дайте ей то, что она хочет!»

Мы шли, как команда победителей на параде инвалидов.

Я — мелкая, злая, в тапках на босу ногу, вцепившаяся одной рукой в шлейку Бакса, который продолжал выделять кренделя, норовя обнюхать каждую кочку, столб и собственную задницу. Второй рукой я обхватила этого... этого монстра за талию, пытаясь удержать его в вертикальном положении.

Монстр, надо сказать, весил как бетонная плита. И пах соответствующе. Кровь, пот, грязь, и какой-то терпкий мужской запах, который даже сквозь всю эту вонь пробивался и

щекотал ноздри. Волки, наверное, так пахнут, — подумалось мне. — Хищники. Которые попали в капкан, но всё равно опасны.

— Давай, миленький, ещё пару шагов, — шипела я, чувствуя, как его ноги подкашиваются с каждым метром. — Ты уж потерпи, тут недалеко. Я тебе диван расстелила, представляешь? Прямо с утра, по твоей заявке. Пятизвёздочный отель, трусы в подарок.

Он что-то промычал в ответ. Или просто выдохнул. Я не разобрала.

Бакс радостно подпрыгнул, едва не вывернув мне руку из сустава, и лизнул мужчину в локоть.

— Фу, Бакс! — зашипела я. — Не доедай его пока! Он ещё живой!

Мы дошли до моего подъезда. Двухэтажный кирпичный барак, облезлая дверь, запах кошек и сырости. Подъезд — громко сказано. Так, тёмная бетонная коробка с лестницей.

— Сейчас, сейчас, — приговаривала я, втаскивая его внутрь. — Осторожно, тут ступенька... Господи, какой же ты тяжёлый! Ты чем питался? Бетоном?

Он молчал. Только дышал тяжело, хрипло, и с каждым шагом я чувствовала, как его пальцы сильнее впиваются в моё плечо. Больно, между прочим. Но я молчала. Потому что понимала: он держится. Из последних сил держится, чтобы не рухнуть здесь, на этой грязной лестнице, где я его точно не подниму.

Второй этаж. Моя дверь. Обшарпанная, с облупившейся краской и цифрой «7», которая давно висела на одном гвозде.

Я кое-как нашарила ключи, сунула в замок, повернула. Дверь распахнулась.

— Заходи... — выдохнула я, втаскивая его внутрь.

Он перешагнул порог и замер. Стоял в моём коридоре — огромный, окровавленный, полуголый, и смотрел куда-то вглубь комнаты мутными, невидящими глазами.

— Давай, давай, не останавливаемся, — я тянула его вперёд, к заветному дивану. — Там диван, видишь? Спать хочешь? Сейчас будет тебе спать. Самый лучший диван в мире. Правда, разложенный, но ты не привередничай, хорошо?

Он сделал шаг. Потом ещё один. Потом ещё.

Мы добрались до комнаты. Диван стоял разложенный, с сбившимся одеялом и подушкой, на которой ещё осталась вмятина от моей головы. Райское местечко.

— Всё, приехали, — выдохнула я и, поднырнув под его руку, попыталась развернуть его так, чтобы он упал именно на диван, а не на журнальный столик, не на тумбочку и не на Бакса, который уже крутился под ногами. — Ложись давай, ложись...

Я толкнула его в грудь.

Он послушно рухнул назад, как подкошенный дуб. Диван жалобно скрипнул, пружины взвыли, подушка вылетела из-под головы и приземлилась где-то на полу. Мужчина раски-

нул руки и замер.

Глаза закрыты. Грудная клетка вздымается часто-часто. Бок всё ещё кровоточит, на простыне уже расплывается тёмное пятно.

Я стояла над ним, тяжело дыша, и смотрела на это нагромождение мышц, крови и дорогих трусов, которое только что затащила в свою единственную комнату.

Бакс подошёл, ткнулся носом в свесившуюся с дивана руку, лизнул окровавленные пальцы и довольно засопел. Улёгся рядом на пол, положив морду на лапы, и уставился на меня с выражением: «Ну вот, хозяйка, завела нам мужика. А кормить его чем будем? А самое главное — где будешь спать ТЫ?!»

Я перевела дух и только сейчас заметила, что у меня трясутся руки.

— Твою ж дивизию, — выдохнула я, глядя на бессознательное тело. — Полина, ну ты и дура.

Глава 4

Я стояла посреди комнаты и смотрела на диван.

Диван смотрел на меня.

Вернее, на диване лежало то, из-за чего я теперь не имела права называть этот предмет мебели своим. Диван был оккупирован. Захвачен. Покорён огромным бессознательным телом, которое занимало его целиком, полностью, без остатка, и даже свешивало одну ногу на пол, потому что в длину этот экземпляр явно превышал диванные стандарты.

Бакс уже освоился. Улёгся на пол, пристроил морду на лапы мужчины и довольно посапывал. Предатель.

Я перевела взгляд на часы. Восемь утра.

Восемь утра, а я уже успела:

- а) не выспаться,
- б) побегать кросс по кочкам,
- в) соврать полицейским (Зойка, прости, но ты теперь с братом),
- г) затащить в квартиру мужика весом в полтонны,
- д) остаться без дивана.

И это только начало дня.

Я медленно сползла по стеночке на корточки и уткнулась лицом в колени.

Что я наделала?

Мысли навалились табуном, каждая норовила лягнуть по-

больнее.

Первое. Где спать буду я? Дивана больше нет. Ну, как нет — он есть, но он занят. А пол у меня бетонный, холодный, и Бакс на нём спит, потому что у него шерсть, а у меня только пижама с зайчиками. И, раз на полу спит Бакс, то мне просто места уже не остаётся. Ну да — не хоромы.

Второе. Чем кормить эту тушу? Я едва себя и Бакса прокармливаю. Бакс жрёт как танк, я экономлю на всём, включая кофе, а тут... Тут, судя по габаритам, обеденный рацион как у взвода солдат. Он придёт в себя, если придёт, и захочет есть. А у меня в холодильнике — полбанки солёных огурцов, засохший сыр и йогурт, который просрочился ещё на прошлой неделе, но я надеялась, что он не узнает об этом.

Третье. Чем его лечить? У меня аптечка — пластырь, зелёнка и бинт, который остался ещё после того, как Бакс порезал лапу. А у этого... Я покосилась на окровавленный бок. Там явно пластырем не обойтись. Там, может, швы нужны. А может, и не только швы.

Я зажмурилась.

Надо вызвать скорую. Это же очевидно. Просто взять телефон и вызвать скорую. Сказать: нашла мужика в кустах, раненый, заберите. И всё. И пусть они там разбираются.

Я уже потянулась к телефону, но рука замерла.

Скорая сообщит полиции, и они приедут, тут же — к бабке не ходи. А он у меня, а не у Зойки.

И что потом? Полицейские же сказали — «помрёт — лег-

че». Они его в участок заберут? В камеру? Он там без сознания, без документов... Его просто закроют и забудут. А если у него внутреннее кровоотечение? Если ему операция нужна?

Я вспомнила его взгляд. Тот самый, когда он посмотрел на полицейских. Без страха. Без мольбы. Гордый взгляд. Такой взгляд бывает у людей, которые привыкли отвечать за себя сами. Которые не ждут помощи от других.

Или у тех, кто уже ни на что не надеется.

— Чёрт, — выдохнула я.

Слёзы потекли сами. Я даже не заметила, как они покатились по щекам. Просто сидела на корточках, уткнувшись в колени, и ревела в голос, как дура. Беззвучно, чтобы не разбудить... его. Или чтобы Бакс не перепугался.

Я не справлюсь. Я не знаю, что делать. Я дура, дура, дура...

Бакс поднял голову, посмотрел на меня с недоумением, встал, подошёл и ткнулся мокрым носом в ухо. Лизнул висок.

— Бакс, отстань, — шмыгнула я носом. — Не до тебя.

Он не отстал. Сел рядом, положил тяжёлую голову мне на плечо и вздохнул. Так тяжело, по-человечьи, будто говорил: «Ну чего ты, хозяйка? Прорвёмся. Мы же с тобой прорывались уже».

Я обняла его за шею, уткнулась в тёплую лохматую шерсть и разревелась окончательно. Минуту. Две. Может, пять.

Потом вытерла слёзы рукавом, шмыгнула носом и встала.

— Ладно, — сказала я вслух. — Ладно. Бакс, слушай сю-

да. Мы с тобой бабо-псы сильные. Мы через многое прошли. Ты без лапы живёшь и горя не знаешь, я без мужика живу и тоже ничего. Справимся. Как-нибудь.

Бакс согласно вильнул хвостом, хотя в его понимании «справимся» означало «сейчас дадут вкусняшку».

Я посмотрела на часы. Восемь утра.

Дядя Боря.

Дядя Боря — наш местный ветеринар. Царство ему небесное при жизни. Старый, ворчливый, вечно пьяный в стельку, но руки у него золотые. Он Бакса с того света вытащил, когда я его принесла, четырёхмесячного, окровавленного, с оторванной лапой. Сидел над ним всю ночь, матерился, но сделал. И денег взял смешных. Сказал: «Бабе с собакой помочь — это святое. А то кроме собаки у тебя никого нет, я посмотрю».

Я тогда чуть не расплакалась. От благодарности.

Дядя Боря. Точно.

Я схватила телефон и набрала.

— Дядь Борь, привет, это Полина, — затараторила я, когда в трубке раздалось сонное ворчание. — Ты прости, что рано, но тут такое... Такое, короче... Ты можешь прийти? Срочно.

— Поленька? — голос дяди Бори скрипел, как несмазанная телега. — Ты чего? Бакс захворал?

— Не, Бакс нормально. Тут... — я замялась. — Тут другая проблема. Ты приди, а? Я объясню. Очень надо. Прямо

срочно-срочно.

— Девка, ты чего там опять учудила? — проворчал он. — Ладно, ща приду. Адрес помню.

— Спасибо, дядь Борь! Ты золото!

Я сбросила звонок и выдохнула.

Одну проблему решила. Вернее, начала решать.

Я повернулась к дивану.

Мужчина лежал всё так же — криво, неудобно, одна нога на полу, вторая под диваном, голова свесилась с подушки, руки раскинуты. Он напоминал огромную куклу, которую уронили и поленились поднять.

— Ладно, красавчик, давай-ка я тебя хоть уложу по-человечески, — пробормотала я, подходя к нему.

Я взяла его за ноги. Точнее, попыталась взять.

Господи, он что, из чугуна?

Я кряхтела, пыхтела, материлась сквозь зубы, но ноги подавались с трудом. В конце концов мне удалось закинуть их на диван. Одну. Потом вторую. Мужчина теперь лежал весь на диване, но как-то... криво. Ноги выше головы, одна рука под спиной, вторая за головой. Он напоминал сломанный трансформер.

— Всё, — выдохнула я, уперев руки в бока. — Дальше сам. Я не атлант, чтоб такие тяжести ворочать. Лежи как лежишь. Тебе не в гроб же ровняться, потерпишь.

Бакс одобрительно тявкнул.

Я пошла в ванную. Достала маленький тазик — тот самый,

в котором я стирала носки, когда ленилась лезть в стиралку. Набрала тёплой воды. Нашла полотенце — самое мягкое, махровое. И губку. Новую, ещё в упаковке. Берегла для особого случая.

Случай, видимо, настал. Особее просто некуда.

Я вернулась в комнату, поставила тазик на пол рядом с диваном, опустилась на колени и замерла на секунду.

Господи, что я делаю? Я мою незнакомого мужика. В своей квартире. В тазике для носков.

Но рука уже сама окунула губку в воду.

Я начала осторожно, с краю. С пальцев.

Они были в крови. Запёкшейся, тёмной, смешанной с грязью. Я аккуратно проводила губкой, смывала, и под слоем грязи проступала кожа. Сильные пальцы, широкие ладони, мозоли в странных местах — не как у офисного планктона. И шрамы. Старые, белые, давние.

Интересно, кто ты такой?

Я перешла к запястьям. Там, где были сине-багровые полосы, кожа оказалась содрана. Наручники? Верёвка? Похоже, его крепко держали.

— Бедолага, — шепнула я, промокая раны.

Бакс сидел рядом и внимательно следил за процессом. Время от времени он тянул нос к тазу, и я шёпотом шипела на него:

— Не лезь, зараза. Это тебе не питьевая вода.

Я мыла его осторожно, сосредоточенно, стараясь не смот-

реть на... ну, на всё остальное. Потому что остальное было, во-первых, в крови, во-вторых, в трусах (спасибо, что хоть трусы были), а в-третьих... В-третьих, я вообще-то приличная девушка, и мужиков в таком виде видеть мне не положено.

Но деваться было некуда.

Я смывала грязь с груди. Широкая, мощная, с рельефом, который даже сейчас, в расслабленном состоянии, впечатлял. Я смывала с живота — твёрдый, как стиральная доска. Я смывала с боков и наткнулась на рану.

Вот тут я замерла.

Рваная, глубокая, но, слава богу, уже не сильно кровотокающая. Края воспалены, вокруг синяк, но внутри... Я не врач, но вроде не видно ничего страшного. Может, повезло, что бутылка была битая, а не нож?

— Дядь Боря придёт, разберётся, — прошептала я скорее себе, чем ему.

Я сменила воду. Два раза. Потом третий.

Я вытирала его полотенцем, промокала раны, укрыла одеялом (своим, единственным, но тут уж не до жиру). И только когда он затих, задышал ровнее, а на лбу перестала выступать испарина, я позволила себе сесть на пол, прислониться спиной к дивану и выдохнуть.

Бакс тут же улёгся рядом, положил голову мне на колени.

Я смотрела в одну точку перед собой и думала.

Я только что помыла незнакомого мужика. В тазике. У се-

бя дома. А через полчаса придёт ветеринар осматривать человека. Потому что я побоялась вызывать скорую.

Полина, ты точно чокнулась.

— Но другого выхода не было, Бакс, — шепнула я, глядя пса по голове. — Ты же понимаешь?

Бакс вздохнул. Кажется, понимал. Или просто хотел есть. Я посмотрела на часы. Полдевятого.

— Ладно, — сказала я и встала. — Пойду чайник поставлю. Дядь Боря просто так не приходит, ему надо наливать. И закусывать. А закусывать у нас... — я заглянула в холодильник, — огурцы и просроченный йогурт.

Чем богаты, тем и рады.

Я включила чайник и уставилась в окно.

Серое утро занималось над посёлком. Где-то лаяли собаки, где-то хлопнула дверь, где-то завелась машина. Обычное утро. Только у меня на диване лежал мужик в трусах.

— Ничего, — сказала я себе. — Прорвёмся. Мы, Синицыны, живучие.

Глава 5

Бакс сидел у дивана и смотрел на меня с таким выражением, будто я лично продала его лучшую игрушку и пустила выручку на ветер.

— Даже не думай, — шикнула я, перехватив его взгляд, устремлённый на освободившийся край дивана. — Там занято. Видишь? Дядя лежит. Больной дядя. Ему место нужно.

Бакс перевёл взгляд на меня. Потом снова на диван. Потом снова на меня.

В его собачьей голове происходил сложный мыслительный процесс, итогом которого стало: «Дядя большой. Диван большой. Я маленький. Помещусь».

Он осторожно, почти по-партизански, положил передние лапы на край.

— Бакс! — рывкнула я шёпотом, чтобы не разбудить... ну, не разбудить больного. — Сними лапы! Ты куда прёшься? На человека хочешь залезть?

Бакс сделал вид, что не слышит. Лапы остались на месте.

Я подошла и попыталась его спихнуть. Бакс — тридцать килограммов чистой наглости — даже не шелохнулся. Только посмотрел на меня с укоризной: «Женщина, ты чего? Я ж уют создаю».

— Ты создаёшь антисанитарию, — прошипела я, упираясь ему в бок. — Слазь, кому сказала! У него там рана, а ты

со своей шерстью... И между прочим! Это *ты* его нашёл! Не бегал бы, как козёл, не притащили бы мы *это* — сюда! — я замахала руками перед его печальной и недовольной мордой, прогоняя от дивана.

Ну как «прогоняя» — некуда же, у меня не разгуляешься, а больше вынуждая хотя бы снять свои грязные лапы с дивана, где лежал раненый мужчина.

Бакс вздохнул так тяжело, будто я просила его сходить на Луну, и нехотя сполз на пол. Но глаз не свёл. Улёгся прямо у дивана, положил морду на лапы и уставился на меня с выражением: «Я тебя запомнил. Это произвол».

— Вот так, — выдохнула я. — И не смотри на меня так. Я тут вообще-то жизнь человеческую спасаю, между прочим. А ты со своими...

Я не договорила.

Мужчина на диване задышал.

Сначала я не придавала значения — ну дышит и дышит, слава Богу, живой. Но через минуту дыхание стало каким-то... неправильным. Прерывистым. Тяжёлым.

Он заворочался, закинул голову, на лбу выступила испарина. Губы шевелились, будто он что-то говорил, но звука не было. Потом его начало трясти. Мелко, противно, как в лихорадке.

Я подскочила, присела на корточки, тронула его за плечо — и отдёргнула руку.

Горячий.

Прямо пышет жаром, как печка.

— Ох, ё... — выдохнула я, хватаясь за голову. — Температура. Господи, ну конечно температура, у него же рана гноится, наверное, а я тут сижу, как дура, воду грею... И даже не грею! — спохватилась, подскочила, через три шага была уже у кухни и доставала кастрюлю. Налила из-под крана воды и поставила её на конфорку.

Бакс поднял голову и заскулил. Тоже почувал неладное.

Я в один прыжок вернулась в комнату и заметалась по ней. Что делать? Что делать-то? Дядь Боря скоро придёт, но когда? А если этот сгорит раньше? Надо сбивать температуру. Чем сбивают? Таблетки... У меня только цитрамон от головы и активированный уголь. Не вариант. Обтирание? Водкой! Точно! Водкой обтирают, когда жар! Это же классика, бабушка так всегда делала.

Я замерла.

Водка.

У меня нет водки.

Я вообще не пью, если что. Ну, по праздникам шампанское, и то пол бокала. А водка в моём доме — такая же редкость, как мужик на диване.

— Бакс, — скомандовала я, хватая куртку, — следи за ним. Ты старший. Если что — лай. Или скули. Или... ну делай что-нибудь, в общем. Я быстро.

Я вылетела из квартиры, как пробка из шампанского.

На улице было сыро, серо и всё ещё пустынно. Ещё нет и

девяти утра, выходной, и наши магазины ещё закрыты, ларьки тем более. Где брать водку?

И тут меня осенило.

Алкаши.

У нас в посёлке есть одна категория граждан, у которых водка есть всегда. Независимо от времени суток, дня недели и фазы Луны. Вопрос только в том, как её у них забрать. И где найти.

Я свернула в подворотню между гаражами. Там, по моим наблюдениям, тусовалась местная «элита» — трое мужиков неопределённого возраста, которые начинали свой день с ранней дозы, пока жёны не проснулись.

Так и есть. Сидят на перевёрнутом ящике, в руках — заветная литровка, уже початая.

Я выскочила перед ними как чёрт из табакерки.

— Мужики, водку давайте!

Они уставились на меня. Тот, что с бутылкой, машинально прижал её к груди.

— Ты чё, девка? — прошамкал беззубый. — С утра пораньше? Не, нам самим надо.

— Санёк, ну ты чо?! — возмутился сосед по ящику. — Даме грех в таком отказывать! Ишь, как прижало-то деваху! Поди-ка не пообедаем! — заявил категорически и встал с ящика.

Протёр его своей, не менее грязной ладонью:

— Садись, девонька, на обидим! — заявил с таким пафо-

сом, будто почку мне свою предлагал.

— Не пить! — рявкнула я. — Спасать! Человек умирает!

— Так мы все умираем, — философски заметил второй, потянувшись к бутылке. — Это потому он умирает, — он уже выудил третий, грязный и треснутый пластиковый стаканчик, и разливал по ним ценную жидкость, — что пить не умеет. Или похмеляться.

Я стояла на месте и гарцевала, как цирковая лошадь на манеже цирка. Когда все три стаканчика были налиты, я спросила:

— А пятый есть?

— Кто пятый? — они недоумённо переглянулись и Санёк даже приопустил руку с бутылкой пониже и завёл её за ящик.

— Стаканчик!

Мужики переглянулись и тот, кто до сих пор не издал ни звука, покопошился в траве и выудил оттуда ещё один стаканчик. Обдул его, протёр поллой рубашки какой-то тридцать восьмой свежести и молча водрузил на ящик.

Я вырвала бутылку быстрее, чем он успел моргнуть.

— Ты чё творишь?! — взвился беззубый. — Отдай, дура! Это последние!

— Да тихо ты, не ори! — шикнула я на него и быстро, но аккуратно набулькала в четвёртый стакан. — Всё, мужики, вам хватит, остальное — мне!

— Ты чё, девка?! — ошалели уже все трое сразу в голос. — Ты не борзей, садись, цивилизованно выпьем!

— Мужики, — я прижала бутылку к груди и посмотрела на них максимально честными глазами. — Честно, человек при смерти. Ветеринара вызвала, водка нужна температуру сбивать. Отдам? Отдам. Завтра. С первой зарплаты. Или пива принесу. Ящик. Честное слово!

Они переглянулись.

— Так пять на четверых не делится, — попытались они научить меня математике, но я была умная: — Делится! По стакану с четвертью!

С этими словами я развернулась и поскакала прочь от них, к своей раненой находке.

— Э-э-эй! — донеслось мне вслед. — А пиво? Пиво когда?

— Завтра! — крикнула я на бегу. — Честное пионерское!

— Так ты ж не пионерка! — обиженно донеслось мне вслед из подворотни.

— Но баба честная! — выдохнула я, влетая в подъезд.

Глава 6

На лестнице пришлось остановиться и отдышаться. Сердце колотилось где-то в горле. В одной руке бутылка, в другой ключи, посередине, в голове — каша.

Я ввалилась в квартиру и замерла.

Бакс лежал на диване.

Не рядом. Не на полу. А на диване.

Рядом с мужчиной.

Вплотную.

Он умудрился пристроить свою лохматую тушу так, что одна лапа и тяжёлая голова покоились прямо на руке больного, будто Бакс решил, что он теперь — живой утяжельитель, чтобы дядя не сбежал. Морда довольная, глаз прикрыт, хвост слегка подрагивает.

— Бакс... — выдохнула я угрожающе.

Пёс открыл один глаз. Посмотрел на меня. И... рыкнул.

Он на меня рыкнул!

— Ты что, паразит, на меня голос поднимаешь? — зашипела я, быстро делая три шага и проходя в узенький проход из кухни-прихожей в свою залу и ставя бутылку на письменный стол. — А ну слез! Быстро! Кому сказала!

Бакс зарычал громче. Типа: «Не подходи, хозяйка, я на страже!»

Я схватила первое, что попало под руку — полотенце,

которое так и валялось на стуле, — и со всей дури хлопнула им по дивану рядом с Баксом.

— Слез, зараза! Я кому сказала!

Бакс дёрнулся, обиженно тявкнул и сполз на пол. Но взгляд... Это был взгляд оскорблённой королевской особы, которую выгнали с трона.

— Вот так, — выдохнула я. — И не смотри на меня так. Успеешь ещё на диване поваляться, когда этот... когда он встанет.

Я подхватила бутылку, открыла крышку и замерла на секунду.

Как это вообще делается? В смысле — технически? Налить на ладонь и мазать? Или сразу на него лить? А если на лить, он же весь мокрый будет, потом простыня... Хотя какая разница, он и так уже весь в крови и грязи. Водкой больше, водкой меньше...

Я решила действовать по обстановке.

Забралась на диван с ногами, пристроилась коленями рядом с его бедром. Осторожно, чтобы не потревожить раненый бок. Налила в ладошку — щедро, не жалея, — и прикоснулась к его груди.

Горячо.

Даже сквозь водку чувствовалось, как от него пышет жаром. Но не только жаром. Под моими пальцами — не кожа даже, а камень. Рельефный, твёрдый, каждый мускул прорисован так, будто его лепил скульптор, который очень старал-

ся.

Я повела ладонью вверх, от солнечного сплетения к ключице. Водка скользила, рука скользила, а под рукой — стальные мышцы, перекатывающиеся даже в бессознательном состоянии.

Господи, ты посмотри... Он что, из железа сделан?

Я налила ещё. Теперь на грудь, прямо сверху. Прозрачная жидкость растеклась по мощному торсу, собираясь в капли на выступающих мышцах, и я поймала себя на том, что заворожённо слежу, как одна капелька медленно ползёт по кубику пресса, огибает его и теряется где-то в районе резинки трусов.

У меня пересохло во рту.

— Так, Полина, — прошептала я себе под нос, отчаянно растирая водку по его груди. — Ты спасатель. Ты сестра милосердия. Ты... ты вообще-то приличная девушка, которая мужиков голых не трогает! Ну, кроме тех случаев, когда они без сознания и умирают!

Ладони жили своей жизнью. Они гладили, давили, разминали, растирали всё тело, жадно, ненасытно, но при этом стараясь обходить грязную воспалившуюся рану. А я смотрела на свои руки и не узнавала их. Они будто приклеились к этому телу, отказываясь отрываться.

Жарко.

Мне вдруг стало очень жарко.

То ли от водки, то ли от того, что я сижу на диване с прак-

тически голым мужиком и трогаю его за грудь, то ли от того, что мужик этот — даже побитый, окровавленный, с запёкшейся губой и синяком во всё лицо — оказался на ощупь таким... таким...

Таким мужчиной.

Настоящим.

Таким, от которого у нормальных девушек подкашиваются колени. А у меня вот сейчас подкашивается что-то другое. Внизу живота. И это очень, очень неуместно.

— Ты больной, — строго сказала я ему, наливая очередную порцию прямо на пресс. — У тебя температура. Я тебя спасаю. Всё остальное — потом. Если выживешь. И вообще, ты мне не нравишься. Ты бомж. Вонючий. В трусах. Я таких не люблю.

Водка растеклась по животу, и я принялась втирать её, чувствуя, как под ладонями перекачиваются тугие мышцы. Он даже в беспамятстве был напряжён, собран, будто готовый к прыжку зверь.

И от этого зверя пахло... не только потом и кровью. Чем-то ещё. Глубоким, тёплым, мужским. Тем, от чего внутри всё сжимается в тугий узел.

Я сглотнула.

— Полина, прекрати, — приказала я себе шёпотом. — Ты не в том положении, чтобы... чтобы... Господи, да что со мной такое?!

Но руки не слушались. Они продолжали гладить, давить,

растирать. Я уже не понимала, где заканчивается лечебный процесс и начинается что-то другое. То, о чём не принято говорить вслух. То, от чего щёки полыхали жарче, чем его лоб.

Бакс заскулил снизу.

Я глянула на него — пёс сидел, задрав морду, и смотрел на меня с выражением глубокого осуждения. «Хозяйка, ты чего творишь? Я всё вижу. Я всё расскажу дяде Боре».

— Заткнись, — прошипела я. — Я лечу!

И в этот момент в прихожей скрипнула дверь.

Я замерла и медленно обернулась.

В дверях стоял дядя Боря.

Ветеринар.

Старенький, лысоватый, в очках с толстыми линзами, с неизменным потрёпанным чемоданчиком в руке.

Господи! Дура! Я так увлеклась лежащим без сознания, раненым!, у меня на диване мужчиной, что обо всём забыла!

Он смотрел на меня.

На меня, которая сидит верхом на голом мужике. Я даже не поняла, как и когда села на него верхом!

На мужика, который весь залит водкой.

На Бакса, который сидит рядом с круглыми глазами и видом «я тут ни при чём, это всё хозяйка».

В комнате витал такой густой запах спиртного, что можно было опьянеть просто стоя на пороге.

— Полина, — сказал дядя Боря после долгой паузы. Голос

у него был спокойный. Усталый. Привыкший ко всему. — Я, конечно, понимаю, что молодёжь сейчас живёт интересно... Но ты вызывала меня как ветеринара или как свидетеля?

— Дядь Борь! — пискнула я, сползая с мужчины и чуть не запутавшись в собственных ногах. — Это не то, чем кажется!

— Да? — он снял очки, протёр их, надел снова. — А выглядит ровно так, как выглядит. Ты мужика водкой поливаешь и трогаешь за оголённые места. С утра пораньше. При собаке.

— У него температура! — затараторила я, размахивая руками. — Сорок же, наверное, я не мерила, но он горячий, как утюг! Я водкой обтирать начала! Ну, чтоб сбить! А он... Он... ветеринар нужен! То есть ты нужен! Потому что рана у него, грязная, и он без памяти, и его похитили, и полицейские хотели его в участок забрать, а я сказала, что он Зойкин брат, а Зойка...

— Стоп, — дядя Боря поднял руку. — Зойкин брат?

— Ну да... — я закусила губу.

— Который Зойка? Наша Зойка? С барака?

— Ага.

— У Зойки нет брата.

— Теперь есть, — обречённо сказала я.

Дядя Боря посмотрел на мужика. Потом на пустую бутылку. Потом на меня.

— Полина, — сказал он очень устало. — Я лечу собак, кошек, хомяков и даже одну ручную ворону. Людей я не ле-

чу. Принципиально. Потому что люди — дураки.

— Дядь Борь, ну пожалуйста! — взмолилась, сложив ладошки домиком. — Ты же можешь просто посмотреть? Просто скажи, что делать? Я заплачу! У меня есть немного, я собираю...

Он вздохнул так, что, кажется, в подъезде стёкла задрожали.

— Ладно, — буркнул он, проходя в комнату и ставя чемоданчик на пол. — Но учти: если он умрёт — мы сядем. И вообще, почему ты скорую не вызвала?

Дядь Борь уже подошёл к дивану и щупал пульс у моей странной находки.

Внезапно дядь Борь охнул, рыкнул и дёрнулся, но остался стоять у дивана, чуть не упав на него и на мужчину, который крепко держал его за запястье.

Глава 7

Я подскочила, не понимая, что происходит. Сердце ухнуло куда-то в пятки и оттуда забилося в аварийном режиме.

— Не надо скорую, — раздалось хриплое, но отчётливое.

Голос был низкий, сиплый, простуженный — и при этом в нём звучало столько стали, что у меня мурашки побежали по позвоночнику.

Мужчина не открывал глаз. Вообще никаких признаков сознания, кроме мёртвой хватки на запястье дяди Бори.

— Послушайте, любезный, — дядь Боря дёрнул рукой, но пальцы сомкнулись ещё сильнее. — Вам нужна квалифицированная помощь! Я, знаете ли, ветеринар, а не...

— Вызовешь скорую, — перебил тот же хриплый голос, и в нём проступила такая убедительная угроза, что я невольно сделала шаг назад, — шею сломаю.

Пауза, хрип, небольшая судорога по телу. По чьёму конкретно — я не поняла но, кажется, по всем трём. Даже Бакса зацепило, судя по тому, что он своим боком прижался к моей ноге.

— Обоим.

Дядь Боря замер. Я замерла. Бакс, кажется, даже дышать перестал, радуясь, что про него не вспомнили.

А потом пальцы на запястье разжались. Рука безвольно упала на диван. Мужчина снова задышал — тяжело, преры-

висто, проваливаясь обратно в беспамятство.

Дядь Боря отдёрнул руку, как ошпаренный. Поднёс к глазам, потёр багровый след на коже.

— Вот это да, — выдохнул он. — Это он сейчас... в отключке? С температурой? С ранением?

— Ага, — пискнула я.

— И руку мне чуть не отдал.

— Ага.

— И пообещал шею сломать.

— Ага, — повторила я, потому что другие слова закончились.

— Это какой же он тогда в сознании-то?

Я подавала плечами. А что я могла сказать? Я его в сознании-то и не видела считай...

Дядь Боря посмотрел на меня поверх очков. Долгим, тяжёлым взглядом человека, который за свою жизнь видел много странного, но такое — впервые.

— Полина, — сказал он очень спокойно. Настолько спокойно, что это пугало больше любого крика. — Ты кого мне подсунула?

— Я не подсунула! — возмутилась я, обретая дар речи. — Я нашла! В кустах! Он там лежал!

— В кустах?

— Ну да! Бакс нашёл! А я мимо шла!

— Бакс нашёл?

— Ну... Нашла, вообще-то, полиция. А Бакс отобрал.

— Полина... — дядь Борь впери́лся в меня цепким взглядом.

Вздыхнув, я кратко пересказала наш утренний, с Баксом, променад и закончила словами:

— Ну и вот... — и развела руками в сторону горячего тела на моём диване.

— И ты решила забрать его домой?

— А что мне надо было сделать?! — всплеснула я руками.
— Оставить там? Чтоб полицейские его в участок забрали и он там сдох? Они же сказали — «помрёт, и легче»!

Дядь Боря потёр переносицу под очками.

— Ладно, — буркнул он, снова склоняясь над диваном.
— Давай посмотрим, что там у твоей... находки.

Он осторожно коснулся пальцами раны на боку и при-
свистнул.

— Ну, скажу я тебе, Полина. Либо ты родилась в рубашке, либо этому придурку сам Бог велел выжить. Рана неглубокая, краем пошло, по касательной. Грязи много, но заражения вроде нет. Если бы бутылка вошла на сантиметр глубже — всё, кирдык. А так... чистить надо, обрабатывать. Жар будет, да.

— Бутылкой? — переспросила я, моргая.

— Ну это не нож, точно. Розочка. Знаешь, что такое?

— Цветок, — уверенно ответила я, пытаюсь представить, как цветком можно так изувечить человека.

— Дитё, — изрёк дядь Борь, и просветил меня: — Розоч-

ка — это отколотое от бутылки горлышко. Ну, знаешь, такое, с острыми краями.

О, это я очень хорошо знала! Я как-то засунула в морозильную камеру бутылку шампанского, охладиться чтобы. Ну я люблю его ледяное, такое, когда оно уже начинает леденеть и становиться соком с мякотью, и забыла про него. А когда случайно нашла его в морозилке и вытащила, бутылка как раз так и откололась.

Я тогда сильно порезалась и слопала шампанское ложкой. С расстройства.

Я снова кивнула.

— А как ты определил?

— Деточка, я давно живу на свете. И давно лечу.

Он прошёл ко мне в санузел, тщательно промыл руки, я подала ему чистое полотенце, которым он насухо вытер руки и снова подошёл к дивану.

Внимательно смотрел рану, прощупал, оттянул кожу. Я всё это время морщилась от боли и отводила глаза. Нет, *мне* больно не было, но я представляла, как больно *ему*..

— Ладно, давай бинты, антисептик. У тебя есть антисептик?

Я замялась.

— Зелёнка есть, — сказала робко.

— Зелёнка, — повторил дядь Боря тоном, каким говорят «чума» или «проказа». — У тебя мужик с ножевым ранением, а ты собралась лечить его зелёнкой?

— Ну... у меня ещё йод есть. Просроченный.

Дядь Боря закрыл глаза. Постоял так несколько секунд. Потом открыл и полез в свой чемоданчик.

— Ладно, — проворчал он, доставая какие-то пузырьки, бинты и странные инструменты. — Значит, работаем тем, что есть. Но учти, Полина: если он умрёт — мы сядем. Оба. Ты за похищение человека, я за врачебную ошибку без лицензии.

— Он не умрёт, — сказала я твёрдо.

— С чего такая уверенность?

Я посмотрела на мужчину. На его разбитое лицо. На мощную грудь, которая всё ещё ходила ходуном. На руку, которая минуту назад чуть не сломала запястье взрослому мужику.

— Он слишком злой, чтобы умереть, — сказала я.

Дядь Боря хмыкнул.

— В этом ты права. Такой и с того света вернётся и первому встречному шею намылит.

Он разложил инструменты на тумбочке.

— Ладно, давай, свет поближе подвинь. И собаку убери, а то вертится под ногами. И сама не дыши в затылок. И вообще — иди чай поставь. Крепкий, сладкий. Мне после такого стресса поправиться надо.

— А ему? — кивнула я на диван.

— А ему, — дядь Боря надел очки поудобнее и склонился над раной, — ему сейчас ничего нельзя. Он в отключке. Да

и не оценит он твой чай, даже если очнётся. Помяни моё слово, Полина: этот тип, когда придёт в себя, спасибо тебе не скажет.

— Почему? — удивилась я.

— Потому что такие, как он, спасибо не говорят. Они платят. Или не платят. Но спасибо — это не про них.

Он покосился на меня.

— Ты хоть понимаешь, кого притащила?

— Мужика из кустов, — пожала я плечами.

— Мужика из кустов, — передразнил он. — Глаза разуй. У него руки в мозолях, но не рабочих. Такие мозоли бывают у тех, кто стрелять умеет. И татуировка на предплечье — спецназовская, если я не ошибаюсь.

Он споро обрабатывал рану и отодвинул резинку боксеров. Замер, хмыкнул.

— Липовый твой бомж, Полинка.

— Это почему? — натурально обиделась я на такие слова.

— Да трусишки у него... В общем. Не экономит на себе бомжик твой, Поля. Да и не просто это куль с дензнаками, не просто...

— В каком смысле? — я даже заглянула через плечо дядь Бори, чтобы увидеть то же самое, что видит и он и понять, на основании чего он делает такие выводы.

— В прямом. Так что твой «бомж», — дядь Боря сделал пальцами кавычки в воздухе, — тот ещё бомж. И если он пообещал мне шею сломать за скорую — я ему почему-то

верю.

Я перевела взгляд на мужчину.

— Дядь Борь, — прошептала я, — а может, мне его всё-таки выкинуть обратно?

— Поздно, — буркнул он, начиная обрабатывать рану. — Приняла — теперь расхлёбывай. Иди лучше за чаем. И без водки, если можно. С меня на сегодня достаточно.

Глава 8

Три дня.

Три дня, которые слились в один бесконечный, изматывающий, сюрреалистичный день сурка.

Я просыпалась — если это можно было назвать пробуждением — от тычка мокрого носа мне в ухо. Бакс требовательно смотрел на меня и переводил взгляд на дверь. Я вставала, на автомате натягивала штаны-кофту-плащ-куртку, и не всегда по погоде, хватала поводок и вываливалась на улицу.

Три ночи. Пять утра. Шесть. Полседьмого. Время потеряло значение.

Возвращалась — и сразу к дивану. Проверить пульс. Потрогать лоб. Сменить повязку, если дядь Боря не успевал заскочить накануне. Он заходил каждый вечер, ворчал, матерился, но делал своё дело быстро и профессионально. А я стояла рядом, держала тазик с водой, подавала бинты и чувствовала, как глаза слипаются прямо на ходу.

— Ты бы поспала, Полина, — сказал он на второй день. — С лица спала совсем.

— Успею, — отмахивалась я. — В гробу выплусь.

Дядь Боря только головой покачал.

А потом я садилась за компьютер.

Заказы сыпались — спасибо интернету, где всегда найдутся студенты, которым лень писать рефераты и контрольные

самим. Тексты на заказ. Рефераты по истории. Контрольные по математике. Эссе по литературе. Деньги копеечные, но за объёмом... Если работать без остановки, можно наскрести хоть что-то.

Я работала.

Пальцы стучали по клавиатуре, глаза краснели от монитора, спина затекала в позе кровати. Бакс периодически подходил, клал голову мне на колени и смотрел с укором: «Хозяйка, ты чего? Мы так и не живём?»

— Потерпи, — шептала я, глядя его по лобастой башке.
— Потерпи, родной. Нам сейчас надо.

Бакс вздыхал и укладывался у ног, под столом, упрямо раз за разом протискивая туда свою скокобоченную тушку.

Иногда я отключалась прямо за столом. На минуту, на пять — голова падала на клавиатуру, и на лбу отпечатывались буквы. Потом вскакивала от собственного храпа и снова принималась строчить.

Аптека. Днём, вечером, снова днём. Антибиотики, обезболивающее, бинты, пластыри, перекись. Фармацевт тётя Нина смотрела на меня с подозрением:

— Полина, ты что, заболела?

— Собака, — отмахивалась я. — Бакс приболел.

— А почему тогда антибиотики человеческие?

— А ему ветеринар выписал. Дядь Боря.

Тётя Нина качала головой, но продавала.

Ночь. Курьер.

Я брала смены, когда совсем прижимало — а прижимало всегда. Развозила еду по ночным адресам на своём древнем велике, который грозил развалиться на каждой кочке. Тёмные улицы, подъезды с тусклыми лампочками, пьяные компании, от которых приходилось уворачиваться. И вечная дрожь в коленях — то ли от холода, то ли от страха.

Возвращалась под утро, падала на стул — и снова за рефераты.

И между всем этим — он.

Мужчина на диване.

Он не приходил в сознание. Совсем. Лежал пластом, дышал тяжело, с хрипами. Иногда метался, что-то бормотал — не разобрать ни слова. Иногда затихал так, что я подскакивала проверять, дышит ли вообще.

Дышал.

Я обтирала его влажным полотенцем — уже без водки, дядь Боря сказал, что хватит. Меняла повязки — каждый день, аккуратно, стараясь не смотреть на ровные ряды швов, которыми ветеринар заштопал его бок. Кормила.

Куриный бульон. Жидкий, тёплый, с ложечки. Я садилась рядом, приподнимала его голову — тяжёлую, горячую, бесильную — и вливала по капле в приоткрытый рот. Бульон стекал по подбородку, я вытирала, пробовала снова.

Бакс сидел рядом и смотрел на процесс с таким трагизмом, будто я кормила его последней надеждой на счастливую собачью жизнь.

— Не смотри так, — шипела я. — Это больному. Он умрёт — мы сядем. Дядь Боря сказал. А тебя, балбеса трёхногого, даже в приют не возьмут! Ты на улицу отправишься!

Бакс вздыхал и отворачивался, но через минуту снова таращился на бульон голодными глазами.

— Всё, — говорила я, когда ложка опустевала. — Всё, свободен. Иди, ищи мышей.

Мышей в квартире не было, но Бакс послушно уходил в угол и делал вид, что ищет.

Четвёртый день.

Я сидела за компьютером и смотрела на экран мутными глазами. Передо мной висело уведомление: «Деньги зачислены на счёт». Десять тысяч рублей.

Десять тысяч.

Я тупо смотрела на цифры и пыталась понять: это много или мало?

Для того, чтобы заплатить за коммуналку — мало. Для того, чтобы купить продукты — хватит на неделю, если экономить. Для того, чтобы оплатить лекарства — впритык. Для того, чтобы нанять сиделку этому... этому... — смешно.

Это мало.

Это очень мало, учитывая, что я не спала трое суток, писала рефераты для безмозглых студентов, развозила еду пьяным людям и чуть не отдала Богу душу на пару со своим псыном.

Но у меня больше нет сил.

Я откинулась на спинку стула и закрыла глаза. В голове гудело. Тело ломило. Желудок напоминал о себе тупой ноющей болью — я так устала, что даже есть не хотелось. Организм просто выключил эту функцию за ненадобностью.

Спать.

Спать.

Спать.

Я встала, пошатываясь. Ноги подкашивались, как ватные. Бакс поднял голову и с тревогой посмотрел на меня.

— Всё, Бакс, — прошептала я. — Всё. Я сдаюсь. Сегодня ночью я никуда не пойду. Курьеризм пусть без меня обойдётся. Студенты сегодня пусть пишут сами. Я буду спать.

Я взяла подушку. Свою, единственную, на которой не спала уже четвёртую ночь. Схватила одеяло. И поплелась в санузел.

Да, именно туда.

Потому что в комнате места не было. Комнату занимал диван. Диван занимал он. Стул занимала я за компьютером. Пол занимал Бакс. Единственное более-менее свободное пространство, где можно было лечь, не наступив никому на голову, — душевой поддон.

Квадратный. Метр на метр. С невысокими бортиками.

Я постелила одеяло прямо на металл. Плюхнула подушку. Забралась внутрь и свернулась калачиком, подтянув колени к подбородку.

Тело охнуло, застонало и начало медленно расслабляться.

И тут меня накрыло.

Слёзы потекли сами. Тихо, беззвучно, без всхлипов и судорог — просто влага скатывалась по вискам, затекала в уши, капала на подушку. Я даже не вытирала. Не было сил поднять руку. Не было сил вообще ничего.

Я лежала в душевом поддоне, в собственной ванной, куда меня загнали обстоятельства, и плакала от бессилия, от усталости, от безысходности.

Зачем я это сделала? Зачем я его притащила? Кто он вообще такой? Почему я должна умирать за этого чужого мужика, который даже спасибо не скажет, если выживет?

Мысли путались, насакивали одна на другую, но ни одна не успевала оформиться до конца. Сознание уплывало, проваливалось куда-то в тёплую темноту.

Последнее, что я помнила — мокрый нос Бакса, ткнувшийся мне в ухо. И тихое, обеспокоенное поскуливание где-то рядом.

Я хотела сказать ему: «Всё хорошо, я просто устала», — но не успела.

Сон пришёл мгновенно.

Тяжёлый, чёрный, без сновидений.

И в этом сне я была свободна от всего: от долгов, от тревоги, от этого мужчины на диване, от вечной гонки за копейками. Просто темнота. Просто покой...

Бакс ещё долго стоял в дверях ванной, глядя на спящую хозяйку. Потом тихо вздохнул, улёгся на пороге, положил

морду на лапы и прикрыл глаза.

В комнате тяжело дышал незнакомец.

В ванной спала Полина.

А Бакс сторожил их обоих.

Потому что кто-то же должен следить, чтобы этот дурдом не развалился окончательно.

Глава 9

Сознание возвращалось медленно, словно делало одолжение, нехотя.

Первое, что я почувствовал — боль. Она была везде. В голове — глухой, пульсирующий гул. В боку — острая, дёргающая, каждый вдох отдавался стрельбой под рёбрами. В руках — саднящая, будто содрал кожу до мяса.

Внутри будто высохшая. Раскалённая на солнце пустая гулкая труба. Жгло, пекло, саднило и сводило желудок. Кажется, он сложился, как гармошка.

Второе — запах. Какой-то странный, незнакомый. Лекарства, пыль, собака... и что-то ещё. Бульон? Куриный бульон? Я открыл глаза.

Потолок. Белый, облупившийся, с желтоватым разводом в углу. Не мой потолок. Вообще незнакомый. А мой какой?

Я повернул голову — медленно, чтобы не взорвать себе мозги окончательно. Комната. Маленькая. Очень. У стены — диван, на котором я лежу. Рядом — тумбочка, на ней пузырки, бинты, какая-то миска. Дальше — письменный стол с маленьким допотопным монитором, заваленный одеждой, стеллаж с папками и бумагами. Шкаф, втиснутый в угол.

Тесно. Бедно. Но не камера.

В камерах не бывает книжных полок и компьютеров.

Я попытался сесть. Организм взбунтовался — застонал,

заскрипел, но подчинился. Я сел, свесив ноги с дивана, и понял, что на мне только трусы. Чистые. Дорогие — это я почему-то знал, хотя больше меня ничего с этими трусами не связывало.

Бок заклеен. Кто-то поработал профессионально — ровные полоски пластыря, аккуратная повязка. Не больница — там по-другому клеят. Не тюрьма — там вообще не клеят.

Где я, чёрт возьми?

Я встал. Ноги подкосились, пришлось ухватиться за стену. Постоял, пережидая головокружение. В глазах потемнело, потом прояснилось.

Нормально. Бывало хуже.

Сделал шаг. Ещё один. Тело слушалось плохо, но слушалось.

Выйти надо. Осмотреться. И в туалет — нестерпимо.

Я двинулся к проёму в стене — там, где, видимо, выход. Коридорчик узкий, как в купе поезда. Справа — дверь. Фанерная, дешёвая, с облупившейся краской. Судя по расположению — туалет.

Я шагнул к двери, потянулся к ручке...

И наступил на что-то живое, мягкое и тёплое.

— Ах ты ж! — рявкнул я, когда это «что-то» взорвалось диким рёвом.

Из-под ног вылетело лохматое чудовище размером с небольшого медведя и с воплем, от которого заложило уши, вцепилось зубами мне в щиколотку.

— Сука! — заорал я, дёргая ногой. Пёс не отпускал, рычал и тряс башкой, явно намереваясь оторвать мне ногу по колено.

Я зашатался, пытаюсь удержать равновесие. Свободной ногой попробовал отпихнуть тварь — бесполезно. Пёс висел мёртвым грузом и рычал так, что стены дрожали.

— Отвали, зараза! — заорал я, хватаясь за единственную опору — ту самую фанерную дверь.

Дверь не выдержала.

С оглушительным треском она оторвалась от петель и рухнула мне под ноги вместе с куском косяка. Я полетел назад,

Я полетел назад, понимая, что сейчас встречу затылком с чем-то твёрдым, и в голове мелькнула странная, отстранённая мысль: «Ну вот, теперь ещё и сотрясение добавится к общему букету».

Но падать было некуда.

Спина врезалась во что-то твёрдое и острое через полсекунды. Край кухонного стола — я даже успел заметить его краем глаза — впился в поясницу, заставив меня взвыть от новой вспышки боли. Посуда жалобно звякнула где-то рядом.

Я замер в этом невыносимом положении: одна нога в зубах у пса, вторая подогнута, спина переломлена о край стола, в руках — оторванная дверь, которую я машинально продолжал сжимать, как щит.

Пёс, видимо, решил, что это идеальный момент для пере-

группировки, и зарычал с новыми силами.

В этот момент из проёма, где раньше была дверь в ванную, вылетело нечто.

Мокрое, лохматое, в пижаме с зайчиками и с дикими глазами.

— А-а-а-а! — заорало это нечто, хватаясь за голову.

Голова, судя по звуку, встретила с краном. Металлически звякнуло, я точно слышал.

— Ах ты ж! — заверещало нечто, выскакивая в коридор и с разбегу со всей дури толкая меня в грудь.

Толчок оказался неожиданно сильным для такой мелкой. Я качнулся, но стол сзади не дал упасть — только сильнее впился в поясницу. Пёс на ноге зарычал громче, явно одобряя действия хозяйки.

Девушка — а это была явно хозяйка всего этого безобразия — споткнулась о ту самую тварь, которая всё ещё терзала мою щиколотку, и полетела вперёд, прямо на меня.

Я успел подумать только одно: «Ну всё, сейчас мы все грохнемся, и этот цирк закончится переломанными шеями».

Но руки сработали быстрее мозга.

Я выпустил дверь, рванул вперёд, поймал её за талию, рванул к себе и прижал к груди.

Мокрую. Дрожащую. Лёгкую, как пушинку.

Спина при этом снова встретила со столом, но я уже не обратил внимания.

Пёс наконец разжал зубы и уселся рядом, с чувством вы-

полненного долга глядя на нас обоих.

А она замерла в моих руках.

Маленькая, хрупкая, в мокрой пижаме с зайчиками. Волосы мокрыми прядями прилипли к лицу, глаза — огромные, голубые, в пол-лица — смотрели на меня с ужасом, удивлением и чем-то ещё, чему я не мог подобрать названия.

Вода из сорванного крана продолжала хлестать в стену ванной.

Пёс довольно поскуливал.

Я стоял, прижатый спиной к кухонному столу, прижимая к груди незнакомую девушку, и пытался понять, какого чёрта я вообще здесь делаю.

— Ты кто? — спросил я хрипло.

Она открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

А потом выдала:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.